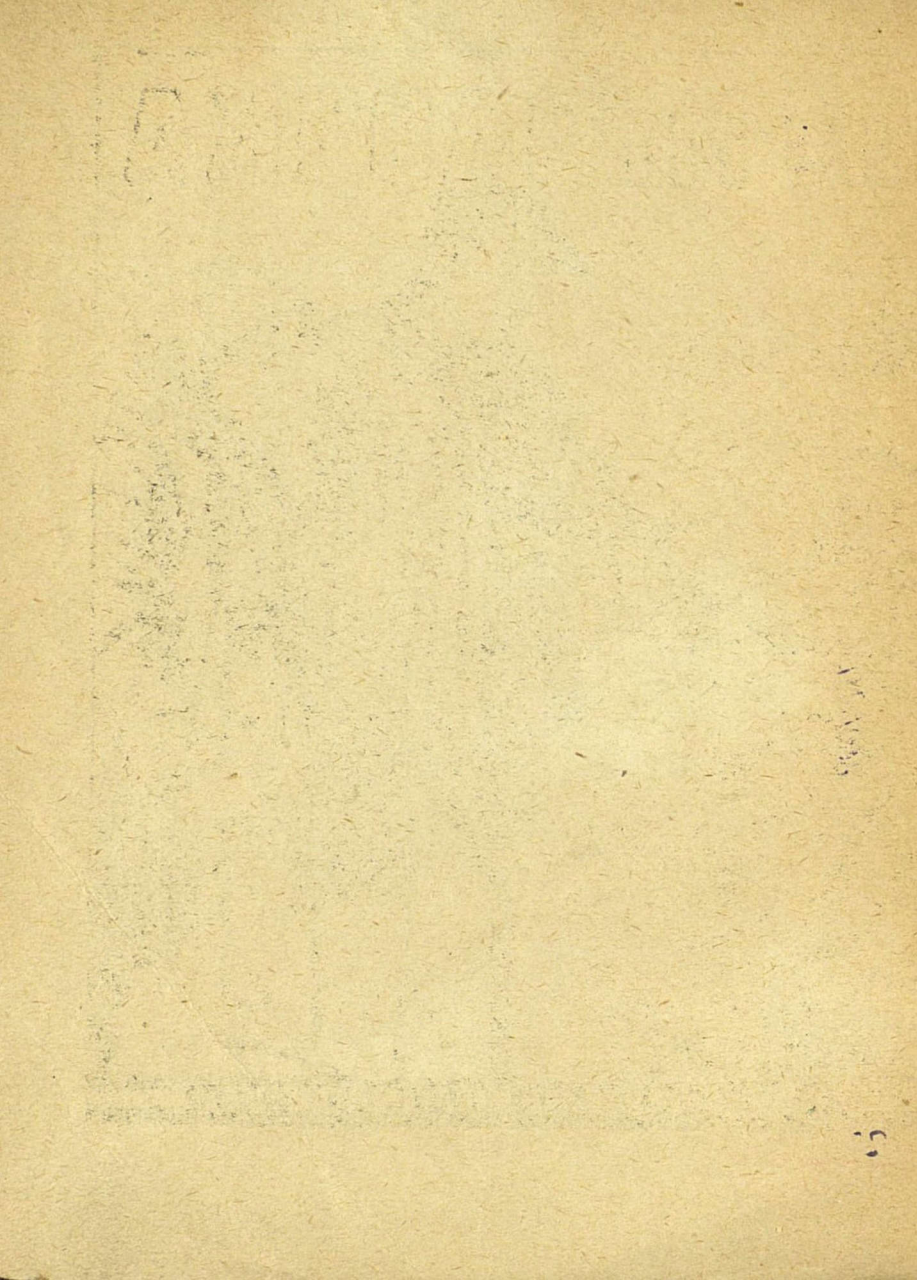

ПОМГОЛОЧКА

Б
С 427
И.П.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1925 г.

И. СКВОРЦОВ

НА ДОМ
НЕ ВЫДАЕТСЯ

ПОМГОЛОЧКА

C-427

РАССКАЗ

С РИСУНКАМИ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1925 ☆ ЛЕНИНГРАД

Б.
C427

и.п.

20308

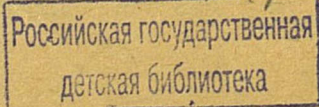
Главлит 42.904.

Ги: 14.482.

Тираж 50.000 экз.

Типография Госиздата "Красный Пролетарий", Москва, Пименовская, 16.

694520 КХ ред

Помголочка.

Жизнь чуть теплилась, как огонек тлеющий лучины, в этом исхудавшем, изможденном маленьком теле. Живыми были только одни глаза. Голубые, почти синие васильковые, они глядели мягко и жалобно...

Когда ей дали миску с супом, она не могла поднести ложку ко рту. Питье сочилось обратно из белых бескровных губ.

Доктор, впрочем, признал ее здоровой.

Здорова?!

Да, как здорова былинка в голой безводной пустыне, как зеленое деревце, заглушенное в густом дремучем лесу, как сокол в неволе...

— Здорова, но не выживет. Организм слишком истощен!—глубокомысленно заключил доктор.

Смерть, казалось, уже склонилась над изголовьем постели, на которой распростерлось маленькое измученное тельце.

Жизнь еще трепетала в глазах, неподвижно уставившихся в белые, чистые стены приемного пункта...

Ребенок умирал без стога, без жалоб...

А за окном догорал кровавый закат знойного летнего вечера 1921 года.

II.

Прошел день-другой, и на удивление всем она жила .

На третий день в праздник, после обычного завтрака, в комнату вошли двое—мужчина и женщина.

Он—высокий, худощавый и смуглый. В глазах сила и железная воля.

Она—румяная, полная, с улыбкой играющей, казалась малоразвитой, но доброй женщиной. Подошли к сестре.

— Доктор направил к вам. Позвольте посмотреть детей.

И пошли-было по палате.

На первой кровати лежала привезенная третьего дня девочка. Ее голубые глазки с усилием повернулись на вошедших, и слабая улыбка, точно луч солнца, пробежала по лицу...

Женщина ухватила за руку высокого мужчину, с внезапно подступившими к глазам слезами чуть слышно прошептала:

— Нет. Не могу смотреть больше. Возьмем ее.

Лицо мужчины потемнело. Казалось, клубок какой-то сжал ему горло...

Наконец, с усилием произнес:

— Да. Возьмем ее.

Он наклонился к девочке и крепкой рукой осторожно погладил белокурые волосы.

Потом разом выпрямился и бросил, точно отрубил:

— Возьмем ее.

III.

Доктор и сестра не советовали брать девочку.

— Не жалец она на белом свете. Труп привезете к себе.

Но мужчина только улыбнулся.

— Раз сказано: возьмем,—значит, возьмем. Не умрет.

В голосе прозвучала такая уверенность, что доктор и сестра смолкли.

Бережно, крепкими руками взял мужчина одетую в простое платье девочку. Та прильнула к нему...

В книге для записи поступающих на приемный пункт детей против фамилии: Секлетея Михайловна Трифонова, 13 лет, появилась отметка: «взята рабочим завода «Пролетарий» Семеном Петровичем Гвоздевым. Адрес—Красная Пресня переулок и дом такой-то».

IV.

Как осталась жива девочка,—не понимали ни доктор, ни соседи.

Одни объясняли внимательным уходом, другие крепостью тела, и никто не сказал самой главной причины.

Выходила молодую жизнь любовь рабочего и жены его, любовь, которая сильнее смерти.

Казалось, в маленькое тельце вливалась жизнь, когда Гвоздев брал на руки девочку, когда ласково гладила ее Маша, жена Гвоздева.

В начале третьей недели девочка в первый раз попросила сама есть.

— Ну, теперь ваша помголочка быстро поправится,—ласково пошутил доктор.

С легкой руки доктора стали звать девочку Помголочкой.

Скоро она уже могла сидеть, а раз, как птичка запела:

«В лесу зеленом на муравке

Скатился птенчик из гнезда».

— Ах ты наша пташечка, из гнезда выпавшая... Изломала тебя жизнь, выкинула из родной хаты...

— Ну, да мы тебя поправим.

V.

«Дети—цветы новой жизни»!..

В нас самих-то взрослых людях столько этого самого старого осталось, что, пожалуй, никогда и обухом не вышибешь...

К примеру взять моего товарища Докина.

Двумя пулями в гражданскую войну ранен, в царское время по тюрьмам таскали, сколько раз за «неблагонадежность» места лишался, а много и в нем старого гнилья.

Праздник без вина встретить не может.

Сам хотя к попам денег не носит, зато жена—богомолка. Иной раз обругается так, что самому совестно.

На-днях спрашиваю его: «Скоро ли получка?»—отвечает: «Один бог ведает».

И бога у него нет, и бог у него все ведает...

Да, вот так-то.

Не одну революцию нам совершить надо, а целых три.

Революция, чтобы старую власть новой заменить,—первая революция и, по правде сказать, самая легкая.

Двинул весь народ, и покатились гнилые столбы.

Эту революцию могли сделать мы, темные, малограмотные, нищие.

Вторая революция—это, чтобы хозяйство по-новому построить.

Эту революцию сразу не сделаешь. Многому надо учиться, много ошибок будет, пока наладим новое хозяйство.

Для первой революции нужна была, главным образом, воля.

Для второй революции мало воли,—нужно еще и знание.

Перестроим мы свое хозяйство, когда будут у нас ученые из рабочих и крестьян, когда все будут грамотны.

А третья революция—переменить самих себя.

Перестать ругаться, бить жену, калечить детей.

Перестать завидовать своему товарищу, другому рабочему.

Сохранить в сердце только одну ненависть,—к тем, кто трутнем родился и остался таким трутнем; кого на руках вынянчили мамушки да нянюшки и с пеленок научили быть барином и загребать жар чужими руками.

Переменить самого себя человек не всегда может.

Не в силах. Не отрывать же голову да приставлять другую.

Новые люди вырастут только из наших детей. И не сразу вырастут.

Сколько раз еще старая гниль и в них отзовется. А все-таки дети—цветы новой жизни.

Мы же уже отцветаем.

Так в свободное время толковал жене Гвоздев, и внимательно слушала и что-то смекала белокурая головка Помголочки.

VI.

Как поправилась совсем Помголочка, стал посылать ее Гвоздев в школу. Жена Гвоздева, кроме того, на машине шить учила. Шила сама на людей и девочке показывала и кройку, и стежку, и все мастерство.

А по вечерам Гвоздев любил слушать, как разбирала по складам Помголочка азбуку.

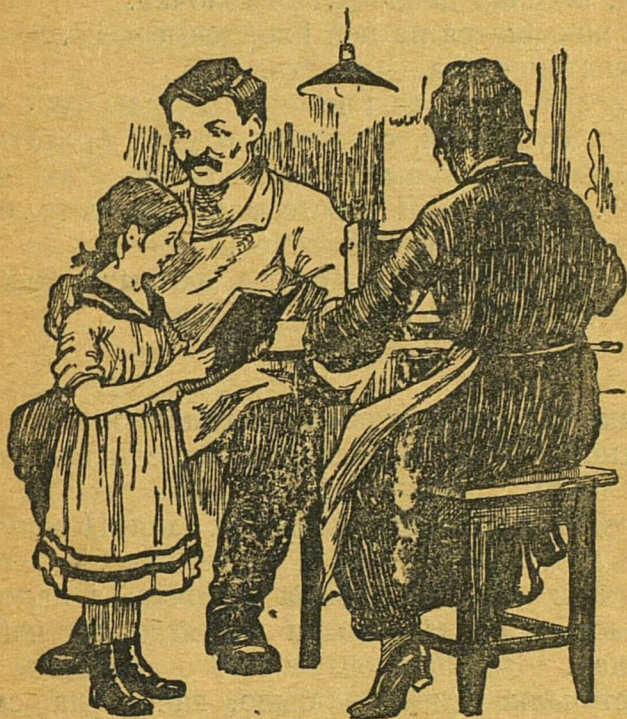
Устанет она, посадит Гвоздев ее около себя и говорит так любовно, ласково.

О многом говорил Гвоздев девочке.

Простыми словами рассказывал, как мучился

в прежнее время народ, как теперь в руки власть взяли.

Рассказывал он о людях по тюрьмам замо-

ренных, о забитых плетками, о повешенных прежней властью.

Плакала не раз во время рассказов Помголочка. Смышленная была девочка.

Сама иной раз на дворе детей соберет и рассказывает им какую-нибудь историю.

Читать бойко через полгода научилась.

Прошел год. Не узнать прежней Секлетеи.

Умерла будто Секлетья от голода, а родилась новая, веселая девочка Помголочка.

Не надышатся на нее Гвоздев и жена.

Речистая стала,—страсть.

Спросит ее шутя Гвоздев: «Выдам тебя скоро замуж. Муж тебя, стрекозу, отучит болтать».

Сверкнет голубыми глазенками: «Так-то я и далась. Отучит. Я его самого учить-то буду».

Усмехнется только Гвоздев.

И росла Помголочка новым родителям на утешение.

VII.

Пришла беда неожиданно, негаданно.

Весной как-то, в праздник, сидели все втроем и чай пили.

Гвоздев бубликов принес, а для Помгопочки особо леденец.

Хотя и серьезная была девочка, а леденцом занялась. Сосала его и потягивала чай из блюдца...

Постучали. Слышно было, как жена соседа пошла отворять дверь...

— Письмо тебе, Семен Петрович, почтальон принес.

Взял Гвоздев письмо, раскрыл и стал читать. Смотрит жена,—побледнел весь.

— Ты что, Семен?

— Так. Товарищ пишет из деревни,—сгорел.

Потом нахмурился немного и продолжал пить чай, как ни в чем не бывало.

Литейщиком Гвоздев был, сам будто из стали вылит.

Железный человек...

VIII.

Не от товарища письмо.

Пишет отец Помгопочки.

«Кланяется низко Семену Петровичу со чадами и домочадцами. А еще просит вернуть свое дите, им самим рожденную Секлетею Михайловну Трифонову».

«Убивается мать очень. Ездил я несколько раз в город Самару. Писал в разные места и марки на ответ прикладывал. Все напрасно. Намеднись только получил письмо. В нем прописано: Извещается гражданин Михаил Трифонов, что дочь его взята на воспитание рабочим заводом «Пролетарий» Семеном Петровичем Гвоздевым. И местожительство указано.

Просим теперь вернуть родное дитё. Одно оно у нас.

А что в голод отдали,—сами думали помрём. Что ж, не пропадать же ребенку безвинному. Еще раз прошу: отдайте. По гроб жизни останемся вам благодарны».

И подпись: за неграмотного Михаила Васильевича Трифонова расписался Петр Маслов.

Много раз перечитал Гвоздев письмо. Не знал, на что решиться.

Сердце свое он вложил в Помголочку и расстаться с ней не хотел, не мог.

Сколько раз радовался он, на нее глядячи: новый цвет растет. Ведь, почитай, что не видала она ни урядника, ни волостного писаря, ни барина.

Воспитать ее новым человеком думал...

И так тосковал Семен Гвоздев, что сна лишился.

Сколько раз смерти в лицо смотрел, а здесь испугался беды.

Пошел Гвоздев к товарищу.

С кем, как не с товарищем, горем поделиться?

Выложил всю душу Гвоздев и молчит, ждет ответа.

Молчал долго и товарищ...

Наконец, заговорил:

— Спрашивал девочку-то? Согласна она в деревню вернуться?

— Нет. Такими словами не спрашивал, а раз, помню, пошутил:

— Хочешь, Помголочка, к отцу, матери отвезу?

— Ну?

— Заплакала только. Не разорваться, видно, сердцу. Отца с матерью помнит, да и к нам привыкать стала.

— Так слушай. Вот мой сказ... Трудное твое дело. Если отец в суд подаст, и не знаю, как суд разберется. Прав и ты, прав и отец. У

тебя, пожалуй, даже больше прав. Первым делом ты воспитаешь ребенка лучше, чем отец. А, кроме того, ты сам в роде как бы отцом девочке приходишься,—без тебя померла бы она. Да и тем, что в деревне, тоже одна только радость осталась.

По письму видно, что тоскуют. За что их обижать? Решай сам. Помни только, что ты рабочий и коммунист.

Помни, что говорил наш учитель:

«Рабочие должны наладить смычку города и деревни». Он разумел смычку хозяйственную и духовную. А у тебя сейчас представляется случай наладить смычку сердечную.

Спрашиваю тебя, как коммунист: «можешь отдать сердце свое крестьянину?».

И пытливо глядит на Гвоздева.

Побледнел Гвоздев, потом потупился, сгорбился, будто меньше стал. Молчал долго. Кровь к лицу бросилась.

Выпрямился и четко отрезал:

— Могу!

Х.

Жена Гвоздева убивалась так, что глядеть жалко. И днем плачет, и ночью успокоиться не может.

Собирает Помголочку в деревню.

А сам Гвоздев с девочкой только и возится. По такому случаю отпуск двухнедельный себе из завода выправил.

— Помни, Помголочка,—говорит Гвоздев,—захочешь в город дальше учиться, чтобы в люди выйти, приезжай к нам. Не брошу я тебя.

Бросилась Помголочка к Гвоздеву на шею, рученками крепко ухватилась и шепчет на ухо:

— Никогда я тебя не забуду. И тетю Машу не забуду, и тебя. Никогда!

— Повидаюсь со своими и приеду обратно. Учиться хочу.

XI.

Отвозил Помголочку в Самарскую губернию Гвоздев, и когда поезд постукивал: «тра-та-та, тра-та-та», болью отдавался каждый звук в сердце рабочего.

Приехали на станцию. Оттуда верст сорок на лошадях.

Добрались к вечеру.

Постучал Гвоздев в избушку на курьих ножках.

— Кто там?—послышался женский голос.

— Маменька,—сама не своя закричала Помголочка и заплакала, зарыдала, прячась на груди распахнувшей дверь матери.

Заплакала и мать.

Опомнилась, потом и бух в ноги Гвоздеву.

Смущенный, поднял ее с пола Гвоздев и усадил за стол.

— Где отец-то?—спросил.

— Сейчас вернется...

Когда в избу вошел маленький, но крепкий крестьянин и подхватил Помголочку, как пу-

шинку с пола, и прижал к себе, Гвоздев сердцем почувствовал облегчение.

Видел, что любит Трифонов свою ненаглядную Секлетеюшку. И радость в груди почув-

н.к

ствовал Гвоздев, когда подошел крестьянин к нему, глянул чистыми, синими, как у Помголочки, глазами и крепко, до боли сжал руку рабочего.

Говорить крестьянин не мог...

Только из глаз его чистых, ясных выкатилась слезинка и повисла на русой бороде.

XII.

Рано утром выезжал Гвоздев из деревни...

На полях наливала рожь. Зацветала пшеница. Подсолнечники выбрасывали свои только-что зацветающие шляпки.

От земли будто пар поднимался, будто дышала она: ночью прошла гроза с проливным дождем.

Дышалось легко и свободно.

Вспоминалась Гвоздеву голубоглазая Помгочка, вспоминался крестьянин с женой, и не было грусти, и не было вовсе печали.

— Родным ты нам стал, Семен Петрович, — звучали еще в ушах Гвоздева прощальные слова крестьянина.

— Дочку на зиму к тебе отпускать будем. Пускай учится. Темнота наша почитай-что хуже голода. От голода отбились, за куском хлеба не ходим, а темнота остается. Верю тебе, как отцу не верил, что добру научишь ты нашу Секлетею. Может-быть, она еще и нас темных поучит. Да и сам с женой приезжай. Ты только недолго у нас прожил, а поверишь ли, за весь свой век не слыхал я таких речей...

И от полей крестьянских, от речки, змейкой далеко раскинувшейся, от дороги ровной и укатанной, от далекого, еле видного села будто струилась светлая, новая жизнь...

Пров. 1988

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДОТСКОЕ
ДЕТСКИ

14892 150=

Цена 5 коп.

К

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО Р. С. Ф. С. Р.
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР

МОСКВА, Ильинка, Богоявленский пер., 4. Тел. 3-71-37.
ЛЕНИНГРАД, Моховая, 36.